

Этнография, этнология и антропология

УДК 39(=161.1)+39(=161.2)

DOI 10.37386/2413-4481-2021-4-104-109

Н.В. Люля

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

СИСТЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКО-УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ¹

В статье рассматривается система идентичности русско-украинского населения России. Проведенное исследование позволило определить иерархию базовых идентичностей (гражданской, региональной, этнической) и свидетельствует о преобладании гражданской идентичности в комплексе с этнической и территориальной, занимающих второе и третье место соответственно. Выявлено, что иерархия уровней идентичности обусловлена влиянием внутренних и внешних факторов.

Ключевые слова: гражданская идентичность, региональная идентичность, этническая идентичность, множественная этническая идентичность, русско-украинское население, приграничные регионы, Россия.

N. V. Lyulya

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

IDENTITY SYSTEM OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN POPULATION OF RUSSIA

The article discusses the identity system of the Russian-Ukrainian population of Russia. The study determined the hierarchy of basic identities (civil, regional, ethnic) and shows the predominance of civic identities in combination with ethnic and territorial identities, ranking second and third respectively. It was revealed that the hierarchy of identity levels is determined by the influence of internal and external factors.

Key words: civic identity, regional identity, ethnic identity, multiple ethnic identity, Russian-Ukrainian population, border regions, Russia.

В настоящее время изучение идентичности народов России является одним из актуальных направлений исследований как зарубежных, так и отечественных социологов, этнологов, географов. Опубликованы работы как теоретического, так и практического характера, в них рассматриваются отдельные компоненты идентичности и факторы, оказывающие влияние на ее формирование и трансформацию. Процессы глобализации и миграции ведут к изменению системы идентичностей, в том числе в соотношении общегражданской, региональной и этнической самоидентификации. По мнению исследователей, в «глобализируемом пространстве наблюдается пересечение множества идентичностей, которые ярко проявляются в процессе межкультурной коммуникации» [1, с. 106]. В связи с этим наиболее дискуссионной проблемой последних десятилетий стал вопрос о соотношении общероссийской граждан-

ской идентичности с региональной и этнической и об оценке их как совмещающихся по принципу иерархии, как дополняющих друг друга либо вступающих в конфликт [2, с. 128].

В последнее десятилетие разными специалистами – историками, этнографами, социологами – активно проводятся исследования в области изучения динамики и соотношения идентичностей, особенно в поликультурных регионах Российской Федерации: Астраханская [1], Белгородская [3], Томская, Брянская области [4], так и других государств – Черниговская область (Украина), Гомельская (Белоруссия) [5]. Однако комплексные исследования, позволяющие увидеть ситуацию на общероссийском уровне или на примере нескольких регионов, репрезентирующих разные части страны, отсутствуют.

Интерес научного сообщества к проблеме системы идентичности становится еще более акту-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

альным в настоящее время, когда население поликультурных регионов не редко имеет «дрейфующую» идентичность, что обусловлено их исторической спецификой, а также формированием этнической культуры с множеством локальных вариантов.

Недавно проведенные исследования этнических групп, расселенных дисперсно среди русского этнического большинства в Российской Федерации, позволяют говорить об определенном «раздвоении» идентичности этнических меньшинств, особенно в культурно близких этносообществах – белорусов, немцев, украинцев, чувашей и т. д. [6, 7]. В частности, большинство украинцев разных миграционных волн и их потомков, проживающих в российских регионах, имеют множественную этноидентичность, относят себя одновременно и к русским, и к украинцам.

Как пишет Е.В. Хлыщева: «Исторически национальные меньшинства, культурные меньшинства ждут признания своих культур, идентичности, особого образа составной частью культуры определенного общества, что приводит к взаимодействию многоуровневых идентичностей в едином пространстве поликультурных пограничных регионов» [1, с. 107]. В связи с этим, «как справедливо отмечает В.А. Тишков, возможна множественная этническая идентификация, когда отдельные группы населения сознают свое отличие от “основных народов”» [цит. по: 8, с. 109]. В связи с этим особенности идентичности русско-украинского населения как одной из таких групп позволяют говорить о малой изученности многих аспектов, в том числе особенностей системы их идентичности.

С 2020 г. коллектив исследователей в рамках реализации проекта РФФИ «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности» активно занимается исследованием феномена множественной идентичности на примере русско-украинского населения России. Как считает В.В. Бубликов: «Формирование русско-украинской идентичности стало следствием процессов ассимиляции украинского (в просторечии “хохлацкого”) населения и раздвоения его идентичности на гражданскую (по стране проживания) и собственно этническую в период после 1930-х годов» [9, с. 138]. В данной публикации автор рассматривает систему идентичности через призму трех уровней: гражданского, регионального и этнического.

Исследование проводилось в пяти регионах: Белгородской, Воронежской, Омской областях, Алтайском и Приморском краях. Особое внима-

ние уделялось выборке респондентов разных половозрастных групп, проживающих как компактно (село), так и дисперсно (город). Были опрошены 100 чел. с использованием метода глубинного интервью. Анкета была сформирована по разным идентификационным критериям (этническое происхождение, этнические чувства, лингвистические практики и идентичность и др.). Один из вопросов анкеты посвящен иерархии идентичности и представлен в следующей формулировке: «Среди разных вариантов своей идентичности, самоощущения: я – гражданин России, я – житель _____ [название региона проведения исследования], я – _____ [формулировка этничности, которую назвал сам респондент в вопросе о своей национальности], как бы Вы расставили приоритеты? Кем Вы себя чувствуете в первую очередь, кем – во вторую, а кем – в третью? Почему?»

При выстраивании иерархии идентичностей в среде русско-украинского населения России нами зафиксирован приоритет общегражданской идентичности (Я гражданин/ка России) «Я россиянин» по отношению к региональной (житель региона) и этнической идентичностям. Еще в 1990-е годы результаты социологических опросов демонстрировали преобладание региональной идентичности над общероссийской, а с начала 2000-х годов ситуация «стабилизируется» [2, с. 128]. Процесс изменения объясняется исследователями формированием именно множественной идентичности на всех ее уровнях: «Совмещенные множественные идентичности, а не конкурирующие и выстраиваемые иерархически – государственно-гражданская, этническая, региональная, локальная идентичности – признак гармоничного развития общества» [10].

Следует отметить, что российская идентичность, в дальнейшем сформулированная как «мы – россияне», была впервые представлена в тексте Российской Конституции 1993 г. в понятии «многонациональный народ России» [2, с. 127], что в дальнейшем распространилось и устойчиво бытует и в настоящее время в том числе в среде русско-украинского населения России. «Это все правильно, раз я корни пустил здесь, я россиянин, и гордость, и понятно, что за свою область переживаешь».

При этом в приграничных с Украиной регионах России – Белгородской и Воронежской областях – общегражданская идентичность нередко выступает в едином блоке с этнической идентичностью («россиянин = русский»), что обусловлено «политизацией» этничности, вследствие территориальной близости Украины и наделения этнонимов «русские» и «украинцы» прежде всего гражд-

данским, а не этническим смыслом. Появление новых независимых государств и формирование политических границ повлекло за собой рост этнической идентичности преобладающего этноса. Результаты исследования позволяют сделать выводы о том, что длительное проживание украинцев и их потомков на территории России формирует принадлежность к гражданскому сообществу, что становится значительно важнее этнической идентичности. В свою очередь, значительная часть респондентов особенно в сельской местности, по сути, отождествляет гражданскую и этническую идентичность. Об этом же пишет и Т.А. Листова, отмечая «характерное для жителей... [российско-украинского пограничья] совмещение понятий “русский” и “российский”» [11].

Высокий уровень общегражданской идентичности в среде русско-украинского населения отмечается во всех обследуемых регионах, но существенно выше он в Алтайском и Приморском краях и подкрепляется патриотическими чувствами респондентов. Анализ ответов позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемая идентичность преобладает у проживающих компактно в сельской местности и респондентов среднего возраста (35–59 лет). «Гражданка России на первом месте, украинка, Омская область»; «Наверное, гражданка России в первую, потом уже Омская область, потом украинка».

Сложившаяся ситуация может объясняться несколькими причинами. Во-первых, в формировании общегражданской идентичности очень сильна роль государства как ресурса, способного насаждать какие-то категории, определения, создавать схемы консолидации [10]. Л.М. Дробужева отмечает: «Стратегия государственной национальной политики говорит о гражданской идентичности как главной целевой установке. Поэтому мы в данном случае не можем пойти по фарватеру брубейкеровского направления без корректировки» [10]. В связи с этим формирование гражданской идентичности в России является приоритетной задачей, а результаты проведенного социологического исследования позволяют говорить о достигнутых положительных результатах в виде ее высокого уровня.

Во-вторых, преобладание гражданской идентичности в среде сельского населения может объясняться более лояльным отношением населения к государству, доминированием в гражданской идентичности понятий «культура», «язык», «страна», «территория», «история», а не политического гражданского осознания (государство, герб, флаг и т. д.) [12, с. 482–485].

Согласно данным, полученным в ходе проведения глубинного интервьюирования, значительная часть респондентов связывала это с тем, что они, в первую очередь, проживают именно на территории России и имеют российское гражданство: «Потому что я живу в России, я не могу кричать тут всем, что я украинка, что я там. Все понятно, это есть у нас в семье, мы как бы это придерживаемся, но тем временем мы не забываем, что мы живем в России»; «Не, ну я же гражданка России в любом случае, ну а потом, наверное, что я украинка».

В-третьих, немаловажную роль оказывает внешняя политическая обстановка, влияющая на иерархию идентичностей, особенно среди этнических меньшинств. Дестабилизация политических отношений между Украиной и Россией с 2014 года и, как следствие этого, некоторая «стигматизация» украинской национальности в России, возможно, повлекли за собой не только сокращение украинского населения в регионах вследствие изменения своей этнической идентичности в сторону «русскости» [13, с. 132], но и (параллельно процессу ассимиляции) изменения в приоритете при ранжировании уровней идентичностей и выбора первой, главной – гражданской. Также в исследуемых регионах Сибири и Дальнего Востока немаловажную роль играет специфика их заселения украинцами, преобладание в числе респондентов именно потомков поздних переселенцев конца XIX – первого десятилетия XX вв. и их долгого проживания на территории России, утраты связей с Украиной [14, 15].

Этническая идентичность в среде русско-украинского населения России, согласно полученным результатам исследования, занимает у респондентов, как правило, второе место. «У этнической идентичности иные консолидирующие признаки. По национальному – этническому – признаку людей объединяют язык, культура, родная земля, природа, историческое прошлое и черты характера. Таким образом, разные идентичности перекрещиваются, как бы друг друга подпитывают, особенно часто у русских, поскольку родная земля и историческое прошлое воспринимаются многими в страновом пространстве. К тому же русские в качестве части этнической идентичности на четвертом-пятом месте называют государство. Поэтому чаще всего речь идет о многосоставной идентичности», – пишет Л.М. Дробужева.

Многосоставная идентичность характерна и для рассматриваемой автором этнической группы русско-украинского населения России: «Ну да, наполовину русский, наполовину украинец»; «Укра-

инской. Может быть и русской, но раньше, когда в паспорте писалась национальность, то всегда было написано украинка, чи в свидетельстве о рождении, чи в паспорте тогда писали. Ну, когда я была 30 лет замужем в Омской области, то тогда я там была русской. А по прибытии сюда опять стала хохлушкой. Жила в Омской области, но в русском селе».

Анализ полученных результатов позволяет говорить об особой значимости для респондентов их двойной этической идентичности. По десятибалльной шкале максимальное значение отметили больше четверти опрошенных. Так, Б. В. В., 1973 г. р., на вопрос: «Насколько важно для Вас ощущение собственной национальности, этнической принадлежности?» – отвечал следующее: *«Достаточно важно, не то, что я всем кичусь, что я украинец и я всем говорю направо и налево, но вот для меня это достаточно важно. 10»*. При этом важность этнической идентичности связана с устойчивым украинским этнокультурным градиентом, который зависит от доли украинцев в этническом составе населения рассматриваемых регионов, с точки зрения сохранения и распространения традиционных элементов украинской культуры (языка, пищи и т. д.).

Необходимо обратить внимание на региональные особенности этнической идентичности. В рассматриваемых регионах наблюдается одновременное определение себя украинцами, «хохлами» и представителями русского этноса [16, с. 67], а итоги многолетних полевых этнографических исследований в регионах России позволяют говорить о том, что потомки украинских переселенцев считают себя украинцами, «хохлами» и русскими, а в Омской и Новосибирской областях, Алтайском крае – еще и сибиряками [17, с. 138; 18]. *«Наверное, я сибиряк, с Омской области, это первое»; «Сибирячка, конечно, потому что мы живем здесь в Сибири и где я ни бываю, то, что в Сибири это несравнимо»*.

Проблема многоуровневости этнической идентичности данной группы подробно рассмотрена в работах сибирских этнографов Е.Ф. Фурсовой, В.В. Реммлера, Т.К. Щегловой, Т.А. Гончаровой, Е.А. Прохоровой и др. [19], в связи с этим в данной статье автор на данном вопросе останавливаться не будет.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что на территории России зафиксировано исследователями три эндоэтнонима, а в регионах Сибири четыре (Омская, Новосибирская области, Алтайский край). При этом «хохлы» в большей степени фиксируются в сельской местности, а «сибиряки» – в среде городского населения. Лишь от-

метим, что «сибиряк» в работах ведущих сибирских специалистов М.А. Жигуновой, А.В. Ремнева рассматривается как проявление этнической идентичности, и с 2002 г. Росстат констатировал наличие в Сибири особой национальности – сибиряки [20, с. 48].

Третий уровень идентичности у русско-украинского населения России занимает региональная, или территориальная идентичность. Наличие у проживающего русско-украинского населения региональной идентичности обусловлено культурной разнородностью рассматриваемых российских регионов, которая представляет собой «местную специфику, географическую индивидуальность, связанную с представлениями и самосознанием людей, проживающих на данной территории, и отражаются понятием “малая родина”» [21, с. 13]. Существуют мнения, что региональную идентичность вводили для того, чтобы снизить сильную этническую идентичность, и в чем-то это действительно так [22, с. 78]. В обычных условиях она проявляется в формировании определенной системы ценностей и норм поведения жителей региона, которая определяется административными границами [22, с. 78].

Наиболее ярко региональная идентичность русско-украинского населения проявляется в Сибирских регионах (Омская область, Алтайский край). В территориальном и возрастном разрезе полученные результаты позволяют сделать вывод о повсеместной значимости региональной идентичности в среде молодого поколения (18–34 года) и проживающих в сельской местности. Результаты исследования не подтверждают общепринятое мнение «об угасании региональной идентичности в более молодых возрастных группах, как полагают многие авторы, реально существует более сложная, неоднозначная картина», – отмечает М.П. Крылов [21, с. 143].

Представители молодого поколения связывают значимость своего региона с такими единицами, как «место рождения», «место проживания», «родственники, друзья», «любовь и привязанность к малой родине»: *«Омич прежде всего, украинец, гражданин России. Я родился и вырос в Омской области, то есть я бывал в других районах Омской области, но была попытка съездить на юг с родителями, и как-то не понравилось ни Урал, ни Волгоград, ни Ростовская область, Омская область как-то ближе. Опять же аутентичность, те люди, с которыми я общаюсь, дружу, которых знаю – они все украинцы по национальности, то я в этом кругу верчусь и ощущаю рядом с ними себя. Гражданство – политическая вещь, а к полити-*

ке я не то, что равнодушен, я понимаю, что это важно в принципе крупным городам, таким как Москва, Питер, каким-то образом Омску, но явно не. Мы находимся 4 тыс. км от Москвы, поэтому до нас это не доходит. Поэтому влияния на меня государство никакого не оказывает, для меня важнее именно культурный, нежели политический аспект»; «Привыкла с малой родины, вот даже в школе вот с детьми мы начинаем, малая родина, вот Белоусовка, да, там, или украинка та, Белоусова, потом сибирячка, Западная Сибирь, потом уже Россия, например, я даже не знаю».

Проведенное исследование позволяет сделать выводы, что система идентичности двуэтничного русско-украинского населения России представляет собой сложную иерархию. С 1990-х гг. вектор идентичности смещается в сторону преобладания гражданской, второе и третье места занимают этническая и региональная идентичности. На выстраивание системы самоидентификации оказывают влияние процессы глобализации, внутренней и внешней политической ситуации, с региональными тенденциями сохранения этнической культуры.

Библиографический список

1. Хлыщева Е. В. Динамика идентичностей в культурном ландшафте Астраханского региона: от этноконфессиональной формы к транскультурной // Южно-Уральский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 1. С. 105–122.
2. Нуруллина Р. В. Формирование общегражданской идентичности в России: современное состояние // Власть. 2016. Т. 24, № 9. С. 127–133.
3. Бубликов В. В. Идентичность жителей приграничного региона в условиях геополитической напряженности на постсоветском пространстве (на материалах Белгородской области) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой. Казань, 2018. С. 260–265.
4. Комарова И. Г. Уровни и типы этнической идентичности татар Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 1 (5). С. 161–172.
5. Григорьева Р. А. Язык и идентичность жителей пограничных районов России и Беларуси, России и Украины (Брянская, Гомельская и Черниговская области) // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 426–436.
6. Бубликов В. В. Множественная этническая идентичность и ее влияние на статистику национального состава населения России // Межэтнические отношения и процессы в современном мире: материалы всероссийской с международным участием научной конференции, посвященной 95-летию д-ра филос. наук, проф. В. И. Затева / науч. ред. М. В. Бадмаева. Улан-Удэ, 2019. С. 63–67.
7. Бойко И. И., Долгова А. П., Харитонов В. Г. О сложной этнической и языковой идентичности населения Чувашии // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 104–120.
8. Ремнев А. В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3 (62). С. 109–126.
9. Бубликов В. В. Особенности идентичности русско-украинского населения приграничных территорий России // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 138–157.
10. Дробижина Л. М. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика. Перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/teoreticheskije_problemy_izuchenija_grazhdanskoj_identichnosti_i_socialnaja_praktika_2014-09-10.htm (дата обращения: 24.08.2021).
11. Листова Т. А. Влияние границ на современную этнокультурную ситуацию на юго-западе России // Межнациональные и межконфессиональные отношения в приграничном регионе: состояние и тенденции: сборник материалов международной научно-практической конференции. Курск, 12–13 декабря 2018 г. / под общ. ред. В. В. Зотова. Курск: Изд-во Академии госслужбы, 2018. С. 161–171.
12. Дробижина Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498.
13. Бубликов В. В. Этнические процессы в семьях биэтнических русско-украинских жителей России (по данным полевых исследований 2020 г.) // Межнациональная семья в полиэтничном обществе: региональный и глобальный контекст: сборник материалов всероссийской научной конференции (13 ноября 2020 г., Уфа) / отв. ред. Ф. Б. Бурханова. Уфа: Первая типография, 2020. С. 125–132.
14. Люля Н. В. Формирование украинского населения на территории Алтайского округа в ходе переселений 1865–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 155–163.
15. Тимергалеев Р. Ф. Украинцы Приморского края в 1897–2010 гг. В демографическом разрезе: от ядра «Зеленого клина» до ассимиляции // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 4. С. 150–169.
16. Прохорова Е. А. Этническая идентичность украинцев Западной Сибири в исследованиях этнографов конца XX – начала XXI в. // Студент и научно-технический прогресс. Этнография: материалы 52-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2014. С. 67–68.

17. Люля Н. В. Этническая идентичность украинцев и потомков украинских переселенцев Сибири в работах исследователей в 1990–2010-е годы // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 12. С. 103–108.
18. Жигунова М. А. Восточнославянское население в Сибири: этнокультурная история и идентичность // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 136–145.
19. Жигунова М. А. Этнокультурные и этнорегиональные процессы в современной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. Т. 19. С. 456–459.
20. Жигунова М. А., Ремнев А. В., Суворова Н. В. Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России. 2014. № 2 (12). С. 48–62.
21. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
22. Кувенева Т. Н., Манаков А. Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 77–89.